

**Первая в СССР книга о Чехословацкой республике:
«Современная Чехо-Словакия» П. Н. Мостовенко**

Станков Николай Николаевич

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: stankov11@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Станков Н. Н. Первая в СССР книга о Чехословацкой республике: «Современная Чехо-Словакия» П. Н. Мостовенко // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 78–99.

Статья поступила в редакцию 01.10.2020.

Аннотация

В статье рассматривается книга «Современная Чехо-Словакия» Павла Николаевича Мостовенко, который с июня 1921 г. по февраль 1923 г. был советским представителем в ЧСР. Автор статьи предполагает, что Мостовенко начал работать над книгой весной 1923 г., сразу после возвращения из Чехословакии, по следам свежих впечатлений и располагая необходимыми материалами. В статье проанализированы все разделы книги, охватывающие широкий круг таких вопросов, как краткая история Чехии, образование Чехословацкой республики, ее социально-экономическое развитие, финансовая система, конституция 1920 г. и функционирование государственного механизма, ведущие политические партии, межнациональные отношения, внутренняя и внешняя политика. Книга Мостовенко явилась первым опытом освещения истории ЧСР с точки зрения коммунистической идеологии. В то же время отмечается, что целый ряд проблем развития Чехословакии в начале 1920-х гг. в книге Мостовенко освещен иначе, чем в документах Коминтерна и советской печати того времени. Автор статьи подчеркивает, что Мостовенко, основываясь на анализе международных отношений в Центральной Европе после Первой мировой войны, предвидел, что при сколько-нибудь существенном нарушении

равновесия сил в Версальской системе Чехословакия окажется первой жертвой, и ни Франция, ни союзники по Малой Антанте не придут ей на помощь, что и случилось в 1938 г.

Ключевые слова

П. Н. Мостовенко, Чехословацкая республика, Версальская система международных отношений, советская пропаганда.

В 1924 г. кооператив «Наука и просвещение» издал небольшую книгу «Современная Чехо-Словакия». Ее автором был бывший советский представитель в ЧСР Павел Николаевич Мостовенко. В прошлом профессиональный революционер, верный сторонник В. И. Ленина, которого он лично знал, один из руководителей восстания в Москве в октябре 1917 г., видный партийный и советский работник в апреле 1921 г. был назначен представителем РСФСР в Чехословакии. В феврале 1923 г. Мостовенко отозвали из Праги, но в штате Наркомата иностранных дел СССР он числился еще более полугода¹. Очевидно, в этот период Мостовенко начал работу над книгой о Чехословацкой республике, на что указывают статистические сведения и фактический материал, изложение которого доведено до начала 1923 г.

Трудно предположить, что явилось побудительным мотивом для бывшего дипломата взяться за перо и написать книгу для широкого круга читателей о стране, в которой он почти два года представлял советское государство — свежесть впечатлений и наличие под рукой необходимых материалов или необходимость показать читателю Чехословакию такой, как он ее видел, а не такой, как ее представляла в то время советская пропаганда.

В начале 1920-х гг. в советской печати от случая к случаю появлялись небольшие статьи о ЧСР. Автором многих из них был председатель Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Салат-Петрлик, который по-своему интерпретировал события в ЧСР. Так, 27 июля 1920 г. газета «Известия» опубликовала его статью «Белый террор в Чехо-Словакии», где сообщалось об аресте чехословацких коммунистов: «Срываем маску с лица чешской буржуазии, которая за границей притворяется “демократической” и “благородной”, и открываем перед пролетариатом всех стран на-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 48.

готу ее классово-свирепости». Завершая статью, Салат сравнивал Чехословацкую республику с хортистской Венгрией: «Чехо-словацкая буржуазия начинает идти по стопам венгерской»². 8 августа в «Известиях» вышла очередная статья того же автора с характерным названием «Чехо-Словакия — пособник контр-революции»³, в которой выражалась уверенность, что наступавшая на Варшаву Красная армия, разбив «польских панов», «несомненно способствует и окончательному прояснению сознания чехо-словацкого пролетариата»⁴. Салат и другие находившиеся в Москве чехи-коммунисты перед отправлением Мостовенко в Прагу снабдили его информацией о ЧСР. Прибыв на место и ознакомившись с ситуацией, Мостовенко писал в Наркомат иностранных дел РСФСР: «Информация о Чехии, которую дал нам глава этих чехов т. Салат, не имела ничего общего с действительностью»⁵. Поэтому не без оснований Мостовенко говорил в одном из интервью: «Когда наша миссия прибыла в Чехословакию, мы имели лишь самое общее представление об этом государстве, а также о том, что в состоянии дать друг другу Советская Россия и Чехословацкая республика»⁶.

Пребывая на посту советского представителя в Праге, Мостовенко неоднократно писал в НКВД, указывая, что в советской печати в искаженном виде освещалось положение дел в ЧСР и ее внешняя политика. Уже в первых донесениях в Москву он возмущался тем, что в газетах «Известия» и «Новый мир» «усиленно подчеркивается алармистское трактование Малой Антанты, как наступательного союза против Сов[етской] России». В письме Чичерину 19 июля 1921 г. он отмечал: «Самая мысль заставить чехов воевать с любой Россией здесь представляется настолько нелепой, что алармизм в этом вопросе вызывает естественное подозрение обывателя: не есть ли это с нашей стороны выискивание повода для того, чтобы под благовидным предлогом обрушиться самим»⁷.

2 Салат Я. Белый террор в Чехо-Словакии // Известия ВЦИК. 27 июля 1920 г. № 164. С. 1.

3 Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация первоисточников.

4 Салат Я. Чехо-Словакия — пособник контр-революции // Известия ВЦИК. 8 августа 1920 г. № 174. С. 1.

5 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 257.

6 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т. 2. С. 28. Док. 16.

7 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 73.

Спустя месяц Мостовенко вновь писал Чичерину, что «нахожу для нас политически невыгодным слишком плоско <...> толковать М[алую] Антанту чуть ли не, как, главным образом, наступательный союз против России». Он подчеркивал: «М[алая] Антанта своим главным острием обращена против Венгрии, ее основная задача — упрочение положения средне-европейских государств <...>»⁸. Поэтому представляется не случайным, что по завершении миссии Мостовенко взялся за написание книги о ЧСР.

В первом же разделе автор подчеркивал, что «политическое значение» ЧСР в послевоенной Центральной Европе «совершенно не пропорционально величине ее территории и количеству ее населения»⁹. Мостовенко отмечал высокий уровень экономического развития Чехословакии, ее союз с Францией и ведущую роль в Малой Антанте, широкие внешнеэкономические связи. Все эти факторы, а также «временный уход с политической арены» самого крупного государства в Центральной Европе — Германии, по мнению автора, существенно повышали «международное значение» Чехословакии и связывали ее «бесконечным количеством нитей» со всей жизнью Европы¹⁰.

В кратком обзоре истории Чехии (о словаках в исторической части книги не упоминается вовсе) Мостовенко указывал, что «чешский народ во все время своего исторического существования поставлен был в необходимость отстаивать свою культурную самобытность и государственную самостоятельность»¹¹. Он рассмотрел важнейшие вехи в развитии Чешского средневекового государства, а после утраты независимости — основные этапы национально-освободительного движения. В книге содержится позитивный отзыв о влиянии Чехословацкого национального совета на исход Первой мировой войны и его роли в создании ЧСР: «Эмигрировавшие из Чехии авторитетнейшие представители ее националистически настроенной интеллигенции уже во время войны вступили с Антантой в переговоры, отдали в распоряжение Антанты многочисленные чешские легионы, составившиеся из военнопленных русского и итальянского фронтов, и выговорили у Антанты образование, после победы ее, самостоятельной Чехо-Словацкой республики, как плату за эту услугу»¹².

8 Там же. Л. 136.

9 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. М.; Пг., 1924. С. 3.

10 Там же. С. 4.

11 Там же. С. 14.

12 Там же. С. 18.

Вместе с тем автор воздал должное и революционному движению. Образование Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. он рассматривал как следствие революционной волны, докатившейся до Праги, подчеркивая, что это событие произошло «после революции в Вене и накануне революции в Германии»¹³.

Касаясь экономического развития страны, Мостовенко отмечал, что Чехословацкая республика располагала значительными природными богатствами и промышленными ресурсами. Занимая лишь пятую часть территории старой Австро-Венгрии, подчеркивал автор, Чехословакия «получила не менее 75% крупной австро-венгерской промышленности»¹⁴. Он приводил сведения по отдельным отраслям промышленности, оставшимся на территории республики после распада империи, о развитии сельского хозяйства¹⁵. Мостовенко писал, что с потерей австро-венгерского рынка Чехословакия «превратилась в типичную экспортную страну», для удовлетворения внутренних потребностей ее населения достаточно 20% общего промышленного производства, а для сбыта остальной продукции необходимы внешние рынки¹⁶. Столь значительная зависимость от экспорта привела к тому, что уже с 1920 г., по утверждению Мостовенко, «начал обозначаться промышленный кризис»¹⁷. Причины этого он видел в технической отсталости большей части промышленных предприятий Чехословакии по сравнению с другими странами, конкурировавшими с ней, и в провинциализме чехословацкой буржуазии, которой еще предстояло научиться работать в новых условиях¹⁸.

Важнейшей причиной утраты Чехословакией доступа на внешние рынки Мостовенко считал «валютный вопрос» в тогдашней Европе. В то время как чехословацкая крона с осени 1921 г. начала укрепляться (в течение одного года обменный курс поднялся со 100–110 до 27–30 крон за доллар), валюты соседних государств резко падали. В Германии, на которую в начале 1920-х гг. приходилось 32% внешней торговли ЧСР¹⁹,

13 Там же. С. 19.

14 Там же. С. 22.

15 Подробнее см.: Там же. С. 22–26.

16 Там же. С. 27.

17 Там же. С. 102.

18 Там же. С. 103.

19 *Dejpek J. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky.* Praha, 2002. S. 47.

к осени 1922 г. произошло снижение валютного курса с 1,25 чехословацких крон за марку до 250 марок за крону, а к январю 1923 г. — до 1300 марок за крону. Тогда же случилась резкая девальвация австрийской кроны²⁰. Не столь катастрофически, но тем не менее упал курс валют Королевства сербов, хорватов и словенцев, Венгрии и Болгарии. В результате, отмечал Мостовенко, Чехословакия из-за высокого курса своей валюты оказалась «одним из самых дорогих пунктов европейского континента»²¹. К началу 1923 г. сильно сократился чехословацкий экспорт. Многие предприятия закрывались или работали ограниченное количество дней в неделю, день ото дня увеличивалась численность безработных, достигнув к январю 1923 г. 600–700 тыс. человек²². Правда, тут же автор ссылается на данные официальной статистики, которые были значительно ниже — 300 тыс. безработных, не считая работающих неполное число дней в неделю²³.

Еще одной серьезной проблемой тогдашней Чехословацкой республики Мостовенко считал межнациональные противоречия. Показательно, что раздел о межнациональных отношениях в ЧСР он назвал «Национальная борьба». Самым наболевшим национальным вопросом автор считал противостояние чехов и немцев. Вслед за революцией 28 октября 1918 г. богемские немцы, как писал Мостовенко, «устроили свою революцию», выступив с лозунгом самоопределения. И хотя в тот момент Чехословацкая республика «еще не определилась юридически», богемские немцы были объявлены мятежниками, их не допустили в Учредительное собрание ЧСР, к разработке и принятию конституции республики. По мнению Мостовенко, межнациональная рознь между чехами и немцами почти полностью повторяла «картину старой Австро-Венгрии, с той лишь разницей, что чехи и немцы поменялись местами»²⁴. Если раньше ущемлялся чешский язык, то в ЧСР та же участь постигла немецкий язык. «Та же картина парламентского саботажа и раздражающей своей мелочностью и повседневностью национальной грызни», — писал автор²⁵. На почве этой вражды осенью 1920 г. Прага пережила антинемецкий погром, когда беспорядочные толпы, не встречая сопротивления со стороны властей, громили все,

20 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 103–104.

21 Там же. С. 104.

22 Там же.

23 Там же. С. 105.

24 Там же. С. 31.

25 Там же.

что могло иметь отношение к немцам, отняли у них Ставовский театр, ворвались в здание старой ратуши, выбросили на мостовую и уничтожили хранившиеся там редкие документы²⁶. Причину чешско-немецкой вражды Мостовенко видел в чешском национализме, в деятельности Национально-демократической партии, которая энергично выступала «против каких-либо поблажек немцам» и успешно противостояла даже президенту ЧСР Т. Г. Масарику, когда он в 1921 г. пытался вернуть Ставовский театр немцам²⁷. В то же время на страницах книги ни слова не говорится о немецком национализме, о частых столкновениях на национальной почве в пограничных областях, где преобладало немецкое население, об образовании и активной античешской деятельности Немецкой национал-социалистической рабочей партии, по примеру которой была создана нацистская партия в Германии. Лишь кратко упоминается о Немецкой национальной партии и ее лидере Р. Лодгмане, и то в связи с обвинением Пражским судом члена партии А. Берана в государственной измене²⁸.

Мостовенко считал, что чешский национализм лежал в основе и всех остальных проблем в ЧСР. Отношения между чехами и венграми, проживавшими в составе республики, были «ничуть не лучше» чешско-немецких. Венгров подозревали в стремлении отторгнуть часть Словакии от ЧСР и восстановить монархию Габсбургов под главенством Венгрии²⁹.

Значительное внимание автор уделил положению Словакии и Подкарпатской Руси. Он подчеркивал, что, несмотря на заключение Т. Г. Масариком со словацкой эмиграцией в США 30 мая 1918 г. Питтсбургского соглашения, предусматривавшего создание чешско-словацкой демократической республики, в которой Словакия имела бы собственную администрацию, сейм, суды и словацкий язык стал бы официальным языком, эти условия власти ЧСР не выполнили. Когда же в конце 1921 г. словацкие клерикалы обратились к Масарику с упреком по этому поводу, то получили ответ, что данное соглашение было заключено «Масариком как частным лицом, и поэтому президент Масарик не может считаться с ним»³⁰. Мостовенко подчеркивал,

26 Там же. С. 31–32.

27 Там же. С. 32.

28 Там же. С. 32–33.

29 Там же. С. 33.

30 Там же. С. 34–35. Следует отметить, что на протяжении прошедшего столетия Питтсбургское соглашение и отношение к нему ру-

что Прага не только не выполнила условия Питтсбургского соглашения, но она «отрицает даже существование какой-либо словацкой нации и словацкого языка», официально признавая лишь чехословацкую нацию и чехословацкий язык, в действительности, по мнению автора, «не существующий». «Естественно, — писал он, — что попытка отрицать даже самое существование народа и его языка сама по себе уже способна искусственно создать национализм — на этот раз словацкий, как отпор национализму чешскому»³¹.

Отмечая различия в вопросах вероисповеданий между чехами-гуситами и словаками-католиками, Мостовенко считал вполне естественным, что провозвестниками словацкого национализма были словацкие клерикалы, ставшие наряду с коммунистами самой влиятельной партией в Словакии³². Автор утверждал, что «искусственно вскармливаемый чешской политикой словацкий национализм» являлся одним из поводов для ухудшения и без того непростых отношений между ЧСР и Польшей в 1921 г., когда Ф. Егличка создал в Варшаве «независимое» словацкое правительство³³.

Что касается Подкарпатской Руси, то Мостовенко считал, что Прага нарушила в отношении этого региона не только соглашение

ководства ЧСР, как и другие проблемы присоединения Словакии, остаются предметом дискуссии между чешскими и словацкими историками. См.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В. В. Марьяна. М., 2005. Кн. 1. С. 83; *Krajčovičová N. Slovenská historiografia po roku 1989 o začleňovaní Slovenska do I. ČSR. Nové pohľady a trendy // Česko-slovenská historická ročenka. 2003. Brno, 2003. S. 293–313; Krajčovičová N. Slovensko na ceste k demokracii. Bratislava, 2009. S. 17–48, 59–88; Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha, 2018. S. 203–205.*

31 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 34–35.

32 Там же. С. 35.

33 Там же. См. новейшие исследования о присоединении Подкарпатской Руси к ЧСР: *Губены Д., Круглова Н. Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2020. С. 86–95; Ироушек Б. Юридическая интерпретация связи Подкарпатской Руси с Чехословакией в толковании Вратислава Калоусека // Там же. С. 115–122; Шевченко К. В. Инкорпорация Подкарпатской Руси в состав Чехословакии в 1919 г. в оценках русинских деятелей и чешских чиновников // Там же. С. 96–114; *Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha, 2016. S. 38–54.**

Масарика с русинской эмиграцией в Америке, но и Сен-Жерменский договор, предусматривавший автономию и максимальное самоуправление, а также конституцию ЧСР 1920 г.³⁴ Подкарпатская Русь не получила никакой автономии, не был созван местный сейм, и даже к моменту написания книги там не были проведены выборы в чехословацкий парламент, которые постоянно откладывались под различными предлогами. Область наводнили чешские чиновники и жандармерия, она существовала в ЧСР, подчеркивает автор, «скорее как оккупированная иноземная провинция»³⁵. Официальные же представители заявляли, что в карпато-русинском вопросе Прага не связана никакими обязательствами и он является исключительно внутренним делом Чехословакии. Результатом такой политики, отмечал автор, был «рост национального движения и мечты о каком-то ином выходе из положения»³⁶.

Завершая «картину деятельности и стремлений чешского национализма», Мостовенко касается положения еще одного национального меньшинства — шлонзаков (силезцев) в Тешине. Пока вопрос о Тешинской Силезии оставался нерешенным, чешские националисты заигрывали с шлонзаками, а после присоединения части Тешинской области к ЧСР во время переписи 1921 г. такое самоназвание было запрещено, и в результате почти все шлонзаки, отмечает Мостовенко, записались немцами³⁷.

Значительное внимание автор уделил освещению конституции 1920 г., государственного строя и политических партий Чехословакии. Мостовенко подчеркивал, что чехословацкая конституция 1920 г. — «одна из самых демократических в Европе», что ее демократический характер «выражен с весьма большой полнотой»³⁸. В то же время он усматривал в самой конституции и признаки нарушения или ограничения ее демократизма, указывая на двухпалатный парламент, а главное — на положения, относящиеся к национальному вопросу: «взамен принципа территориальной автономии отдельных национальностей, в конституции проводится полностью централизм управления»³⁹. Мостовенко считал, что в вопросах местного самоуправления чехосло-

34 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 36.

35 Там же. С. 38–39.

36 Там же. С. 39.

37 Там же. С. 39–40.

38 Там же. С. 41.

39 Там же. С. 42–43.

вацкая конституция «идет назад» по сравнению со старой австрийской конституцией⁴⁰, поскольку она уничтожила ряд отдельных земских сеймов, существовавших в прежние времена в различных областях чешских земель, а также особую земскую администрацию. Единственное исключение согласно конституции 1920 г. представляла автономия Подкарпатской Руси, но и она не была проведена в жизнь⁴¹.

Далее Мостовенко рассматривал на примерах взаимодействия парламента и правительства, как положения конституции воплощаются в политической практике. Отмечая, что правительственная коалиция состоит из пяти чехословацких партий (национальные демократы, аграрии, клерикалы, социал-демократы и национальные социалисты), он указывал на незначительное коалиционное большинство в парламенте, на чрезвычайно широкий политический спектр партий коалиции — от «крайних реакционеров и националистов, представителей крупного банковского капитала и владельцев крупных земельных латифундий⁴² до чешских социалистов», что «создает для правительства колоссальную работу, необходимую для согласования всякого законодательного проекта с требованиями каждой из партий коалиции»⁴³. Поэтому при обсуждении любого крупного законопроекта правительственная коалиция переживала кризис. Для урегулирования отношений правительства с парламентом была создана так называемая «Пятерка», которая состояла из представителей коалиционных партий и, несмотря на то, что она являлась неконституционным органом, по меткому замечанию Мостовенко, играла в государственном аппарате «роль первой скрипки». «Существование “Пятерки”, — подчеркивал автор, — как бы дорисовывает картину претворения демократической конституции в очень мало демократическую действительность»⁴⁴.

40 Очевидно, П. Н. Мостовенко имеет в виду Декабрьскую конституцию 1867 г.

41 *Мостовенко П. Н.* Современная Чехо-Словакия. С. 43.

42 Закон об отчуждении земли в пользу государства от 16 апреля 1919 г. устанавливал максимальный размер земельного владения в 150 га обрабатываемой земли и 250 га всей земли. Главным образом этот закон коснулся немецких и венгерских землевладельцев. Подробнее см.: *Kárník Z.* České země v ěře První republiky (1918–1938). Praha, 2003. D. 1. S. 455–458.

43 *Мостовенко П. Н.* Современная Чехо-Словакия. С. 44–45.

44 Там же. С. 49.

В книге Мостовенко не упоминалась другая влиятельнейшая группировка в политической жизни ЧСР, сложившаяся вокруг президента Масарика, — «Град»⁴⁵. Возможно, это свидетельствует о неполной осведомленности автора. Но и тот объем информации, которым он располагал, позволил ему сделать вывод, что «в наше время в капиталистическом буржуазном государстве любая, даже и самая демократическая конституция есть одна из форм, которой буржуазия всех видов и национальностей, принужденная мириться с демократическим поветрием времени, пользуется для организации своего влияния в государстве»⁴⁶.

Мостовенко считал, что в то время чехословацкая государственность находилась «на распутье», и с целью обеспечения политической стабильности 6 марта 1923 г. парламент принял закон «Об охране республики», который, по мнению автора, в действительности был направлен против коммунистов⁴⁷.

Обзор политических партий ЧСР Мостовенко начал, по его собственному определению, «с крайнего правого фланга правительственной коалиции» — с Национальной демократической партии (НДП) во главе с К. Крамаржем. Автор считал эту партию реакционной и националистической, защищавшей интересы крупного капитала. По его мнению, НДП, несмотря на незначительное представительство в парламенте (19 депутатов)⁴⁸, играла «руководящую роль в чешской экономической жизни» и в значительной степени направляла «линию политического поведения правительства»⁴⁹.

В отличие от НДП Чехословацкая народная партия, которую Мостовенко называет клерикальной, не играла активной роли в правительственной коалиции и громко заявляла о себе, лишь когда затрагивались «ее специфические интересы». После вступления «чешских клерикалов» (имеются в виду Я. Шрадек и Й. Доланский) в правительство Э. Бенеша в сентябре 1921 г. от партии откололось ее словацкое крыло⁵⁰.

45 Подробнее см.: *Klimek A. Voj o Hrad. 1. Hrad a Pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918–1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví. Praha, 1996. S. 164–176.*

46 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 50.

47 См.: Там же. С. 50–52.

48 Численность депутатов автор приводит по итогам выборов 1920 г.

49 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 56–57.

50 Там же. С. 58.

Центром правительственной коалиции Мостовенко справедливо считал аграрную партию во главе с А. Швеглой⁵¹, правда, при ее описании, включавшем исторический экскурс, автору удалось уложиться в неполных одиннадцать строк.

Значительно больше внимания Мостовенко уделил Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (ЧСДРП), ее эволюции, внутрипартийной борьбе, завершившейся в 1920 г. расколом на правую и левую. Он считал, что ЧСДРП (имеется в виду правая) предала забвению прежние социалистические идеалы, что ее главное назначение состоит в том, чтобы «объяснять рабочим массам необходимость подчинения их классовых интересов так наз[ываемым] высшим соображениям государственного порядка», а вся ее политика строится на борьбе с коммунистической партией, образовавшейся на основе левой в 1921 г.⁵²

Несколько страниц Мостовенко посвятил Чехословацкой социалистической партии (ЧСП). Главную ее проблему автор видел в «пестром» социальном составе: членами партии являлись националистически настроенные рабочие, ремесленники, лавочники, чиновники и другие представители «мелкобуржуазного мещанства». В результате любой сколько-нибудь значимый законопроект, выносимый на обсуждение, вызывал «бурные столкновения внутри партии». Часть депутатов от ЧСП в парламенте проголосовала против закона «Об охране республики»⁵³.

Из немецких политических партий, которые Мостовенко в целом охарактеризовал как оппозиционные правительству и «в различной степени окрашенные в националистический цвет», автор рассмотрел лишь вкратце Немецкую социал-демократическую рабочую партию (НСДРП(Ч)), отметив, что по своей тактике она «значительно левее» чехословацких и германских социал-демократов. НСДРП(Ч) располагала достаточно большим количеством мандатов (29), но, несмотря на это, она не играла «сколько-нибудь значительной активной роли ни в парламенте, ни в стране», не считая постоянного голосования против правительственных законопроектов⁵⁴.

Мостовенко подробно останавливается на деятельности Коммунистической партии Чехословакии. Он отмечает, что становление партии

51 Там же.

52 См.: Там же. С. 59–61.

53 См.: Там же. С. 61–65.

54 Там же. С. 65.

происходило «в невероятно трудной обстановке», когда «сызнова пришлось строить сверху донизу свой собственный партийный аппарат» при отсутствии партийных фондов, когда в партию хлынули массы рабочих, находившиеся «на самой первой стадии коммунистического классового самосознания». Вследствие этих причин преобладающее влияние в партии вначале получила так называемая левая партийная оппозиция. Однако в скором времени, «разочарованные бесплодностью политики левых представителей оппозиции, рабочие массы быстро отошли от них и примкнули к тому крылу партии (Шмераль, Нейрат и Запотоцкий), которое полностью восприняло линию поведения III Коммунистического Интернационала». Мостовенко утверждал, что в то время КПЧ была крупнейшей партией Чехословакии и единственной партией Коминтерна, не считая РКП(б), «прочно сложившейся, изжившей фракционные трения внутри себя и имеющей перед собой ясную и твердую программу действий»⁵⁵.

Мнение Мостовенко о КПЧ, однако, не разделяло руководство Коминтерна. В год выхода книги, в июне — июле 1924 г., в Москве состоялся V конгресс Коминтерна, на котором председатель исполкома Г. Е. Зиновьев выступил с резкой критикой в адрес КПЧ⁵⁶. В «Тезисах по вопросам тактики» подчеркивалось, что КПЧ «не сумела до сих пор стать еще настоящей большевистской партией»⁵⁷. В связи с принятым конгрессом курсом на большевизацию коммунистических партий КПЧ предписывалось «прежде всего выправить теоретическую линию партии», подготовить партийные массы «идеологически и организационно для ведения решающей борьбы», «целиком стать на почву решений V конгресса и решительно их проводить», «оживить деятельность ЦК, сделать руководство более постоянным, напряженным и энергичным» и т. д.⁵⁸ В приветственном письме делегатам II съезда КПЧ (31 октября — 4 ноября 1924 г.) Зиновьев вновь обрушился с резкой критикой в адрес руководства партии. Он призывал КПЧ «покончить с провинциализмом» и выйти «на широкую дорогу действительного большевизма», требовал создания такого Центрального комитета, который был бы «большевистским не на словах, а на

55 Там же. С. 67.

56 См.: Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 84.

57 Там же. Ч. 2. С. 51.

58 Там же. С. 51–52.

деле», который бы «включил в себя свежие рабочие силы, раз навсегда положил конец “дипломатии”, словом двинул бы вперед дело коммунизма в Чехословакии»⁵⁹.

Противоположные оценки КПЧ Зиновьевым и Мостовенко объясняются не недостаточной осведомленностью последнего, а различными позициями по вопросам о положении в партии, о характере ее отношений с Коминтерном, что нашло отражение в телеграммах и письмах Мостовенко во время пребывания его на посту представителя РСФСР в Праге и вылились в острый конфликт с Зиновьевым⁶⁰.

Анализ международной политики ЧСР в книге Мостовенко начинается с так называемой «заграничной революции», когда Чехословацкий национальный совет в эмиграции во главе с Масариком задолго до событий 28 октября 1918 г. договорился со странами Антанты, прежде всего с Францией, об образовании самостоятельного чехословацкого государства. Автор отмечает благосклонность Антанты и в вопросе определения границ ЧСР: «К землям с преобладающим чешским населением были прирезаны пограничные территории Германии, Австрии и Венгрии с исключительно немецким и мадьярским населением»⁶¹. Эти обстоятельства, по мнению Мостовенко, во многом предопределили внешнюю политику чехословацкого правительства, ее зависимость от соблюдения мирных договоров и их главного гаранта — Франции. Он считал, что влияние Франции в первые годы существования ЧСР было всеобъемлющим, причем не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику молодого государства⁶². Такая зависимость от Франции, подчеркивал автор, со временем стала вызывать в чехословацком обществе все большую обеспокоенность в связи с попытками Парижа использовать Прагу в своих антигерманских комбинациях, с его двойственной политикой в отношении Венгрии — главного противника ЧСР⁶³.

Именно в Венгрии и в восстановлении монархии Габсбургов Чехословакия видела главную угрозу своей безопасности. Мостовенко объяснял, почему Прага опасалась Венгрии: отторгнутая от Венгрии

59 РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 176–178.

60 Подробнее см.: *Станков Н. Н.* Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года — февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32.

61 *Мостовенко П. Н.* Современная Чехо-Словакия. С. 68–69.

62 Там же. С. 72.

63 Там же. С. 74–75.

Словакия составляла треть чехословацкого государства, экономически она издавна была связана с Венгрией, и на ее территории проживало достаточно многочисленное венгерское население. На основании этого автор делал вывод, что для Праги венгерский вопрос являлся и внешнеполитическим, и внутренним, и перед правительством стояла задача не только обеспечения неприкосновенности границ ЧСР, но и интеграции Словакии и ликвидации там венгерского влияния⁶⁴. Поэтому с участием ЧСР, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев была образована Малая Антанта, главная задача которой заключалась в борьбе с венгерской опасностью⁶⁵. Прага противилась всем проектам расширения Малой Антанты, присоединению к ней Польши, Австрии, Болгарии или Греции, не без основания опасаясь, что участие в альянсе новых государств повлечет за собой и изменение направления его политики⁶⁶. «Чешское правительство энергично отбивает такие попытки и твердо блюдет, чтобы основная задача Малой Антанты — враждебное окружение Венгрии — не была подменена какими-либо другими», — подчеркивал автор книги⁶⁷. Как видим, Мостовенко упорно продолжал отстаивать свое мнение, отмечая исключительно антивенгерскую направленность Малой Антанты, несмотря на то, что в документах Коминтерна и в советской печати в то время указывалось на ее антисоветский характер.

Отношения ЧСР с соседней Польшей Мостовенко характеризовал как «напряженно-неприятные»⁶⁸. Официальным поводом для столкновений между правительствами ЧСР и Польской республики, по словам автора, были территориальные вопросы. Несмотря на то, что в 1920 г. Тешинскую Силезию разделили между двумя государствами, Польша оказалась недовольна результатами раздела. Омрачал чехословацко-польские отношения и спор о Яворжине. Однако главные причины взаимной неприязни, считал Мостовенко, «пока остаются за кулисами дипломатических переговоров». Варшава была недовольна нейтралитетом Чехословакии во время польско-советской войны 1920 г., отказом Праги признать результаты Рижского мира, принадлежность Восточной Галиции Польше. ЧСР, в свою очередь, с подозрением относилась к развитию отношений между Варшавой и Будапештом, опасалась осуществ-

64 Там же. С. 71.

65 Там же. С. 70.

66 Там же. С. 75–76.

67 Там же. С. 76.

68 Там же. С. 76.

вления вынашиваемых ими проектов установления польско-венгерской границы в результате присоединения Словакии к Венгрии, создания блока трех государств — Польши, Венгрии и Румынии⁶⁹.

Как отмечал автор, чехословацкое правительство проявило большую готовность «задобрить» Польшу и в августе 1921 г. вступило в переговоры, которые завершились подписанием 6 ноября чехословацко-польского договора⁷⁰. Он предусматривал взаимную гарантию государственных границ, соблюдение благожелательного нейтралитета и предоставление права свободного провоза военных грузов через территорию другого государства в случае войны кого-либо из них с третьей страной. Обе стороны обязались не разжигать сепаратистские настроения и не поддерживать никакие организации, чья деятельность могла принести вред другому государству⁷¹. То, что скрывалось за этими обтекаемыми дипломатическими формулировками, Мостовенко изложил прямолинейно: ЧСР объявила о своей незаинтересованности в вопросе Восточной Галиции и обязалась в случае польско-советской войны обеспечить доставку в Польшу военных грузов, а Варшава, со своей стороны, обязалась не вмешиваться в словацкие дела. Впрочем, автор книги был убежден, что этот договор «обречен остаться на бумаге». Несмотря на то, что его сразу же ратифицировали в ЧСР, польский сейм не оценил чехословацких уступок и отказался ратифицировать договор. Главную причину всех проблем в чехословацко-польских отношениях Мостовенко видел во взаимной неприязни «националистически настроенных элементов населения»⁷².

Автор отмечал двойственность в политике ЧСР в отношении Германии. С одной стороны, она связана с Германией «тесными экономическими узами», а с другой — по договору с Францией обязана участвовать в санкциях против нее. По мнению Мостовенко, в Праге отлично понимали, что Франции не удастся долго удерживать Германию в поверженном положении, «в конечном итоге она восстановится и предъявит встречные претензии к своим теперешним обидчикам». Поэтому Чехословакия «нисколько не заинтересована заранее портить свои отношения с ней»⁷³.

69 См.: Там же. С. 77–80.

70 Там же. С. 80–81.

71 *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha, 2005. Sv. 2. S. 321–323. Dok. 765.*

72 *Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 81.*

73 Там же. С. 82.

Завершая общий обзор международной политики ЧСР, Мостовенко сравнивал ее с типичным поведением «мелкого бюргера, который у всех своих соседей оторвал по лакомому куску, ни на что больше сам не претендует и мечтает только об одном, чтобы никто его не трогал и дал ему время покойно переварить захваченные куски»⁷⁴. Автор указывал на опасность такой политики: «При первом же случае сколько-нибудь серьезного нарушения очень непрочного равновесия сил и неустойчивости в современной Европе Чехо-Словакия с неизбежностью почувствует на себе первой печальные результаты этой своей мелко-мещанской политики. <...> Ее предполагаемые союзники окажутся занятыми совсем на других фронтах, будут бессильны, да особенно и не захотят помочь ей»⁷⁵. Так за полтора десятилетия до Мюнхенского соглашения Мостовенко предсказал, что ожидало Чехословакию в будущем.

Отдельную главу автор книги посвятил политике Праги в отношении Советской России, которая, по его утверждению, в силу целого ряда свойственных исключительно Чехословакии обстоятельств занимала «центральное место как в сознании широких кругов населения, так и во внимании авторов современной политики ч[ехо]-с[ловацкого] государства»⁷⁶. Мостовенко достаточно подробно рассматривал эти обстоятельства, начиная со времен австрийского господства, когда чешская интеллигенция мечтала «о “великой и сильной” России, как о естественном друге и защитнике чешского народа». Примеру интеллигенции последовали «широкие массы мещанства», затем внимание рабочих к России привлекла революция 1917 г.⁷⁷ С начала 1920-х гг. к «психологической тяге к России» присоединились экономические интересы: потребность в рынке сбыта товаров и источниках сырья. «Все эти обстоятельства в различной степени имели своим результатом то характерное для чешского среднего обывателя дружелюбное отношение к России и ко всему русскому (в том числе к русской литературе), которое так выгодно отличается от резко неприязненного отношения его чуть не ко всем другим национальностям (немцам, полякам, мадьярам, евреям и т. д.)»⁷⁸. Тем не менее, как отмечал Мостовенко, официальные круги в Праге и отдельные политические партии

74 Там же.

75 Там же. С. 83.

76 Там же. С. 85.

77 Там же. С. 85–86.

78 Там же. С. 87–88.

и группировки не столь однозначно относились к Советской России, руководствуясь чаще конъюнктурными соображениями в каждой конкретной ситуации. Летом 1920 г. Прага, воспользовавшись наступлением Красной армии на Варшаву, добилась с выгодой для себя решения вопроса о Тешинской Силезии. В те дни многие чехословацкие политики приветствовали Советскую Россию и клеймили польский империализм. Но как только Красная армия начала терпеть поражение, те же самые политики развернули масштабную кампанию критики в адрес Москвы и травлю советской миссии в Праге⁷⁹.

С момента образования ЧСР избегала признания Советской России, заявляя, что «русский вопрос может быть разрешен во всем своем объеме только в общеевропейском масштабе». Однако когда на Каннской конференции в январе 1922 г. между Францией и Великобританией возникли разногласия в «русском вопросе», а затем последовало приглашение представителей Советской России на Генуэзскую конференцию, министерство иностранных дел ЧСР было не на шутку встревожено: «по его мнению, этим ставилось на карту самое дорогое, что Европа получила в результате мировой войны, — Версальский договор и полное согласие между собой политики главнейших держав Антанты». Накануне Генуэзской конференции Бенеш выступил со своей концепцией решения «русского вопроса»: повременить с признанием советского правительства де-юре и не торопиться вводить Советскую Россию в круг европейских держав. Поскольку главный интерес Европы в отношении Советской России заключался в доступе к российскому рынку, то, по мнению чехословацкого министра, достаточно было ограничиться заключением торговых договоров⁸⁰. Такого типа договор Чехословакия заключила с Советской Россией 5 июня 1922 г., вокруг его ратификации развернулась ожесточенная межпартийная борьба, и Бенеш под предлогом угрозы раскола коалиции предложил снять этот вопрос с повестки дня парламентского пленума⁸¹.

По мнению Мостовенко, для министерства иностранных дел ЧСР ссылка на нежелание национальных демократов пойти на какие-либо уступки в «русском вопросе» и необходимость сохранения коалиции — лишь аргумент «при уговаривании инакомыслящих»⁸². Подлинной причиной такого отношения к Советской России автор считал «страх

79 Подробнее см.: Там же. С. 90–92.

80 Там же. С. 93–94.

81 Там же. С. 97–98.

82 Там же. С. 98.

за непрочность Версальского договора, боязнь фактом полного признания России дать лишний аргумент не только коммунистам, но и левой части самой правительственной коалиции, наконец, отчасти личная и классовая неприязнь к советскому строю тех элементов интеллигенции, из которых состоит правительственная верхушка»⁸³.

Такие выводы Мостовенко строил, основываясь на своем опыте работы в Праге. Его книга была в СССР первой попыткой освещения ключевых проблем Чехословацкой республики в начальный период ее существования с точки зрения коммунистической идеологии. Автор подвергал критике социально-экономический и государственный строй ЧСР, ее внутреннюю и внешнюю политику, буржуазные и социалистические партии и в то же время в исключительно оптимистическом духе писал о КПЧ. Рассматривая международные отношения в Центральной Европе в начале 1920-х гг., отмечая произвольное определение границ в мирных договорах, наличие значительных национальных меньшинств в новых государствах, приведшее к возникновению множества конфликтных ситуаций, Мостовенко пришел к выводу о непрочности Версальской системы и предвидел, что первой жертвой ее крушения станет Чехословакия.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВВРПФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений = Dokumenty a materiály k dějinám československo-sovětských vztahů / [Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР и др.]; ред. коллегия: сов. часть — П. Н. Поспелов (отв. ред.) [и др.], чехословац. часть — В. Краль (отв. ред.) [и др.]. Т. 2: Август 1922 г. — июнь 1934 г. / подгот. Ч. Аморт, Е. Д. Воробьева, А. Х. Клеванский [и др.]. М.: Наука, 1977. 634 с.

Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. М.; Пг.: Госиздат, 1924. 112 с.

Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1925. Ч. 1–2.

Салат Я. Белый террор в Чехо-Словакии // Известия ВЦИК. 1920. 27 июля. № 164. С. 1.

83 Там же. С. 99.

Салат Я. Чехо-Словакия — пособник контр-революции // Известия ВЦИК. 1920. 8 авг. № 174. С. 1.

Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года — февраль 1923 года) // Славяноведение. 2020. № 3. С. 24–32. DOI:10.31857/S0869544X0009514-8.

Чехия и Словакия в XX веке = Czech Lands and Slovakia in the 20th century: очерки истории: в 2 кн. / [отв. ред. В. В. Марьина]. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 453 с., [4] л. портр. (XX век в документах и исследованиях = 20th century in documents and research / Ин-т славяноведения РАН).

Чехословакия и Советская Россия на обломках империи / [Э. Г. Задорожнюк, Р. Влчек, Я. Билек и др.]; редкол.: Е. П. Серапионова (отв. ред.) [и др.]; Институт славяноведения РАН, Комиссия историков и архивистов РФ и ЧР. М.: ПОЛИМЕДИА, 2020. 191 с. DOI:10.31168/0442-8.

Dejmek J. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002. 384 s.

Dokumenty československé zahraniční politiky. A/3/2: Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody, 1920–1921. Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AV ČR, 2005. Sv. 2: (1. červen — 31. prosinec 1921) / edičně zprac.: J. Dejmek, F. Kolář. 585 s.

Kárník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Praha: Libri, 2003. D. 1. 576 s.

Klimek A. Boj o Hrad. [D.] 1: Hrad a Pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918–1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví. Praha: Panevropa, 1996. 432 s.

Krajčovičová N. Slovensko na ceste k demokracii. Bratislava: Historický ústav SAV, 2009. 268 s.

Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha: Vyšehrad, 2018. 276 s.

Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016. 237 s.

References

Dejmek, J. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky*. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002, 384 p.

Dejmek, J., and F. Kolář, editors. *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921*, vol. 2. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2005, 585 p.

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii = *Dokumenty a materiály k dějinám československo-sovětských vztahů*, vol. 2. Moscow: Nauka, 1977, 636 p.

Kárník, Z. *České země v éře První republiky (1918–1938)*, vol. 1. Praha: Libri, 2003, 576 p.

Klimek, A. *Boj o Hrad, vol. 1: Hrad a Pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918–1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví*. Praha: Panevropa, 1996, 432 p.

Krajčovičová, N. *Slovensko na ceste k demokracii*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2009, 268 p.

Mar'ina V. V., editor. *Chekhii i Slovakiia v XX veke = Czech Lands and Slovakia in the 20th century: ocherki istorii*, vol. 1, Moscow: Nauka, 2005, 453 p.

Mostovenko, P. N. *Sovremennaia Chekho-Slovakiia*. Moscow, Petrograd: Gosizdat, 1924, 114 p.

Piatyĭ vsemirnyĭ kongress Kommunisticheskogo Internatsionala. 17 iunia — 8 iulia 1924 goda. Stenograficheskiĭ otchet, pt. 1–2. Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1925.

Rychlík, J. *1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa*. Praha: Vyšehrad, 2018, 276 p.

Rychlík, J., Rychlíková, M. *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. Prague: Vyšehrad, 2016, 237 p.

Salat, Ia. “Belyĭ terror v Chekho-Slovakii.” *Izvestiia VTsIK*, 27 July 1920, p. 1.

Salat, Ia. “Chekho-Slovakiia — posobnik kontr-revoliutsii.” *Izvestiia VTsIK*, 8 Aug. 1920, p. 1.

Serapionova, E. P., editor. *Chechoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii*. Moscow: POLIMEDIA, 2020, 192 p. DOI 10.31168/0442-8.

Stankov, N. N. “Sovetskiĭ predstavitel' v Chechoslovakii P. N. Mostovenko protiv ěmissarov Kominterna (iun' 1921 goda — fevral' 1923 goda).” *Slavianovedenie*, no. 3, 2020, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.05

Stankov N. N.

**The First Book about the Czechoslovak Republic in the USSR:
“The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko**

Nikolaj N. Stankov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: stankov11@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Stankov N. N. The First Book about the Czechoslovak Republic in the USSR: “The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko // Slav-ic Almanac. 2021. No 1–2. P. 78–99 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.05

Received: 01.10.2020.

Abstract

The article dwells upon the book “The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko — the Soviet representative in Prague from June, 1921 till February, 1923. The author of the article supposes that Mostovenko began to work on this book immediately after his return from Czechoslovakia in the spring of 1923 following his fresh impressions and having all the necessary materials. All the chapters of this book embraced a wide range of problems: a brief history of Czechia, the foundation of the Czechoslovak Republic, its social and economic development, the financial system, the constitution of 1920 and the functioning of the state machinery, the leading political parties, the relations among different ethnic groups, home and foreign policy. In the USSR Mostovenko’s book was the first attempt at interpreting the history of the Czechoslovak Republic from the point of view of the communist ideology. At the same time, the author of the article states that in Mostovenko’s book quite a few aspects of the development of Czechoslovakia at the beginning of 1920s are interpreted in a way different from the documents of Comintern and the Soviet press of that period. The author of the article proves that Mostovenko on the basis of the analysis of the international relations in Central Europe after World War I predicted that in case of an essential breach of the balances of powers in the Versailles system of international relations, Czechoslovakia would become its first victim and neither France nor the allies in the Little Entente would help it. Exactly this happened in 1938.

Keywords

Pavel N. Mostovenko, the Czechoslovak Republic, the Versailles system of international relations, the Soviet propaganda.